

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...

Н.Н. Незнанов

СЕЙМЧАН – КОЛЫБЕЛЬ НАША

Нам – на Север

В «Колымских ВЕСТЯХ» № 20 мы поздравляли Н.Н. Незнанова – известного геолога-полевика «второй волны» покорителей Чукотки с 70-летием и желали ему «успехов на ниве воспоминаний, облеченных в статьи и книги». Сегодня мы предлагаем ознакомиться с литературным творчеством Николая Николаевича.

Итак, жребий брошен! Позади волнения перед комиссией по распределению молодых специалистов; в числе первых (по высшим баллам дипломов) мы, девять выпускников геологоразведочного отделения горного факультета СКГМИ, забираем все девять мест – на Колыму! Долой страшные рассказы про тамошние лагеря, беспредел! Мы молоды, дружны, самоуверенны:

Нас не пробьет слеза,

Пусть вдаль бежит родной вокзал,
Встречай своих хозяев, Колыма!

Договариваемся собраться в конце августа в Москве у фонарного столба на площади с видом на Большой театр и – в путь!

Дорожная наша эпопея – предмет особого рассказа. Все мы впервые направляемся в столь длительное путешествие, хотя на производственных практиках уже побывали в Казахстане, на Урале и в других местах.

У железнодорожных касс – столпотворение. Одному из нас, самому пронырливому, зажимаем в кулак деньги и вталкиваем его в толпу. Цель – заветное окошко!

Здесь надо сказать, что все мы, за исключением одного, были юнцами – из школы попали в институт. У нашего «ветерана» за плечами еще и служба в армии – он считал себя «стреляным волком». Итак, наш проныра уже почти добрался до кассы, когда его отозвал из очереди наш «старшой»:

– Иди вон в то окошко, там продают билеты в международные вагоны поезда Москва – Пекин без всякой очереди.

– Но там же дорогие билеты!

– Подумаешь, на 500 рублей. Колыма все оплатит! Зато поедем с комфортом!

Соглашаемся, берем билеты, едем с комфортом.

Прибыли в морпорт Находку.

Уйма едущего на Колыму вербованного люда бурлит у пункта регистрации отъезжающих. Записались в очередь на рейс в Магадан, ориентировочный срок ожидания – неделя.

Разместили нас в большом зале местного клуба – коек 50 одна к одной. Бал здесь правит блатная прослойка оргнабора. Схема их «выступлений» одна: пьяный куражир под одобряющие выкрики следующей за ним толпы привязывается к очередной «жертве», грозит «размазать мозги по стене», «отправить в больницу», пытается отнимать содержимое карманов, вещи, девчонок запугивают проигрышем в карты.

Наше преимущество – в организованной сплоченности; на претензии к одному встаем все сразу, даем понять, что готовы к отпору. Срабатывает – ввязываться в драку толпе не хочется, а куражир ищет более трусливых.

Подошла и наша очередь в кассу пароходства. Здесь – порядок, четкая предварительная запись, хотя и без разбора, молодой ты специалист (ИТР) или из оргнабора.

И опять в дело включается наш «ветеран» – берет билеты якобы в одно-, двух- и трехместные каюты на пароход «Феликс Дзержинский». При посадке оказывается, что все каюты – шестиместные, продавали оставшиеся места. Так что нам при-

*Дорога с порога ведет на Восток,
На Север уходит другая...*

Студенческая песня

*Колыма – почти что Сочи, нани-на, нани-на,
Солнце греет, но не очень, нани-на, нани-на,
Под окном поют медведи, нани-нани-на,
Вот туда мы и поедем, дели-во-дела!
Мы найдем месторождения, нани-на, нани-на,
Всесоюзного значенья, нани-на, нани-на,
Будем мы лауреаты, нани-нани-на,
Загрести деньгу лопатой, дели-во-дела!*

Самодетельность аныюцев

шлось рассредоточиться среди чужого люда.

Выданные авансы кончились в Находке, новых не дали. Пять суток плывем по Охотскому морю, питаемся из чемоданов; там у нас запасы сала, лука; покупаем только хлеб и чай.

Утром 12 сентября 1955 года входим в бухту Нагаева. Первое впечатление: яркое солнце освещает окрестные сопки, по ближайшему склону среди зарослей стланика бродят коровы, на пирсе вереница автобусов ожидает пассажиров нашего корабля. Ну какой же это глухой край?!

Рассаживаемся по автобусам, нас везут по Магадану в «транзитку» на четвертом километре – отправную пристань колымчан», как ее образно назвал магаданский поэт Г. Фатеев.

Обстановка в Магадане – разительный контраст Находке. Отдельный чистенький барак со старушкой вахтершей у двери – для ИТР. Вече-

Николай Николаевич Незнанов

ром в него пытается прорваться хмельной мужик; по звонку дежурной двое дюжих парней спокойно выставляют его за дверь. Порядок. Едем в город. У кинотеатра «Горняк» подвыпивший бородач с «трассы» с удивлением уточняет у милиционера – за что его штрафуют!?

– Подумаешь, выразился матерно! У нас на «трассе» все так говорят!

Но штраф платит.

На последние оставшиеся деньги пытаемся позавтракать в сухомятку – в центральном гастрономе берем консервы – рыбные котлеты в томатном соусе, булочки, в сквере рядом ищем укромный уголок для трапезы. Какая-то старушка, думая, что мы мостимся выпить, приглашает: «Пойдемте ко мне, там есть посуда, девушки...»

Спасибо, бабуся, до лучших времен!

Прием приезжающих специалистов в Северо-Восточном геологическом управлении – после обеда. Главный геолог Кечек, начальник отдела кадров Показаньев знакомятся с нашими документами; лекция о геологии региона, беседа об условиях работы в различных РайГРУ, распределение... Рабочий день близится к концу, намекаем об авансе. Удивлены: «Вам все выплатили в институте!» Выпросили 500 рублей на всех.

Наутро – выезд в места назначения: пятерым – на «трассу». Б. Болтрукевичу, И. Иноземцеву – в Усть-Неру; А. Штоколову, Е. Крикало, Г. Макарьяну – в Усть-Омчуг (Тенька); нам четверым, О. Цопанову, Э. Копытову, В. Шевченко и мне – самолетом в Сеймчан!

Аэропорт «13-й км» забит ожидающими пассажирами, у окошка кассы – плотная толпа. Занимаем очередь, знакомимся с обстановкой. Самолеты летают нерегулярно, могут вывезти всех завтра, а могут и продержат день-два. Ждем.

Приютился поселочек...

В 1930 году в долине реки Сеймчан разбросанно, в отдалении друг от друга, стояло 18 юрт, жителей насчитывалось 121 человек.

Б. Г. Щербинин, В. В. Леонтьев.
Там, где геологи прошли

От Магадана летим над горной страной – верховьями р. Колыма. Гольцовые вершины, уже покрытые снегом, в беспорядке уходят до го-

ризонта; подножья склонов многочисленных долин раскрашены в неопишуемые желто-оранжевые цвета осени; зеленые вкрапления – заросли стланника дорисовывают эту восхитительную картину. В долинах видны следы деятельности людей: серыми ранами смотрятся с птичьего полета отработки россыпей. На самолете все мы летим впервые; такая красота внизу, невозможно оторваться от иллюминатора.

Но вот горы расступаются, большая чаша мелкосопочного рельефа справа обрывается береговыми обрывами р. Колыма, вдоль светлой ленты которой там и сям заметны бережные поселения – мелькают пристани и поселки; влево до горизонта уходят квадраты окультуренных полей – ну прямо как где-нибудь в центральной России!

Наш ЛИ-2 снижается над тополюной рощей, пробегает положенное по заросшей травой посадочной полосе и вырывается к необычному аэровокзалу – этакому бревенчатому сказочному теремку с верандочками, ступенчатой крышей и всякими там флигельками-анфиладами. Все это чудо оформлено резными наличниками.

Как нам рассказали позже, Сеймчан с его благоприятными условиями рельефа и погоды в годы войны 1941–1945 гг. был выбран одним из промежуточных аэродромов для перегона самолетов с Аляски в СССР на фронт, для чего и построили взлетно-посадочную полосу, аэровокзальный комплекс и два главных здания в пос. Сеймчан, расположенном в 2 км от аэродрома.

Об истории возникновения поселка я расскажу чуть позже, а пока приведу свои первые впечатления о нем.

Итак, мы приземлились, прихватываем свой нехитрый багаж, спрашиваем такси до поселка. Над нами посмеиваются: «Нет у нас пока такси, ждите рейсового автобуса».

Ждать пришлось недолго; рассказываемся, едем. Вдоль дороги – отгороженные где плетнем, где штакетником частные домишки, что-то зеленеет на неубранных грядках. Через помпезную деревянную арку въезжаем в поселок; ряды бараков кулисами тянутся вдоль улицы, мелькают вывески: «Магазин», «Детский сад»...

Центр поселка – прямоугольник сквера, окруженный по периметру тополями и кустарниками, крест-

накрест разделенный дорожками; по длинным сторонам сквера друг против друга, зеркально отражаясь, стоят два бревенчатых двухэтажных чуда, подобные зданию аэровокзала. В одном из них располагается Сеймчанское районное геологоразведочное управление (РайГРУ), в другом – камералка геологов-полевиков, райкомы КПСС, ВЛКСМ.

Мы задерживаемся у входа с вывеской «Сеймчанское РайГРУ», оглядываемся: вот она – наша первая пристань, колыбель, первая любовь и самое светлое пятно всей нашей последующей жизни!

Все, что потом происходило с нами, логика наших поступков, крепкое геологическое братство, традиции коллектива, успехи на пути освоения недр Западной Чукотки – все это зачиналось в этих стенах.

Сеймчан стал административным центром Среднеканского района в конце 40-х гг. Расположение его на обочине Колымской золотосносной провинции наложило свой отпечаток на быт и облик поселка. Помимо уже упомянутых архитектурных шедевров в его центре, по короткой стороне сквера был построен двухэтажный клуб с традиционными колоннами у входа; напротив него – «торговый комплекс» – столовая, при ней – пивной павильон «Голубой Дунай», магазин. Далее по ул. Ленина в обрамлении бараков располагались одноэтажный детский сад, двух- и трехквартирные коттеджи руководящей элиты поселка.

Райкомы КПСС и ВЛКСМ, как я уже говорил, размещались в одном из зданий геологического управления; райисполком занимал одноэтажное здание, примыкавшее к скверу. Жилые дома с квартирами коммунального типа можно было пересчитать по пальцам; основная масса населения проживала в бараках с общей кухней и туалетом.

После расформирования лагерей в 1953 г. определенная часть бывших заключенных решила осесть на этой земле – образовалось частно-собственное обрамление барачного центра – небольшие усадьбы с огородами, собранными из подручных материалов домишками. Инициаторы таких усадеб – женщины, бывшие в заключении, создавали семьи или вели вольный образ жизни; они легко принимали на постой временных жильцов из числа бывших заключенных и приезжих искателей длинного рубля и так же легко с ними рас-

ставались, выкачав заработанную деньгу.

Население поселка в середине 50-х гг. сформировалось из геологов, авиаторов (последние проживали в основном в аэропорту), районного административного и партийного звена и работников служб поселка городского типа (больницы, поликлиники, школы, детского сада, торговли и т. д.). Усадьбы поселенцев придавали ему сельский облик. Картину дополнял маленький базарчик у въездной арки: под навесом на столах продавали свежую картошку, капусту, зелень, молоко.

Распаханные вокруг поселка поля принадлежали совхозу «Среднеканский», центральная усадьба которого располагалась в пос. Верхний Сеймчан, на 20 км южнее, и поселковой агробазе. Пристань на Колыме называлась «Якутский посёлок».

Полынья или долина солнца?

*Собирайте кувалды с зубилами
И летите в родимый Сеймчан!*

Р. Фурдуй. Гимн геологов-сеймчанцев

Для начала – немного истории. Сеймчан – река, левый приток р. Колыма в ее верхнем течении. В переводе с эвенского – «полынья»; по другой версии – «долина солнца». В сборнике «Там, где геологи прошли» (Магадан, 1980) читаем: «В 1930 году в долине реки Сеймчан разбросанно, в отдалении друг от друга стояло 18 юрт, жителей насчитывалось 121 человек. Это в основном были якуты, которые занимались скотоводством, охотой и рыбной ловлей».

Ю.А. Билибин в экспедициях 1928–1929 гг. до Сеймчана не добрался – знаменитая среднеканская золотоносная дайка, россыпи Борискина ключа были обнаружены им на 50 км южнее.

Геологическими исследованиями, организованными лишь в 1934 г., в бассейне р. Сеймчан были обнаружены месторождения касситерита – оловянного камня. Для их разведки в Дальстрое было создано Сеймчанское РайГРУ, которое выбрало местом своего базирования террасу р. Колыма в устье р. Сеймчан; был заложен одноименный поселок. Позже в нем обустроилось Юго-Западное горнопромышленное управление (ЮЗГПУ

ДС) – добычу олова начали рудники им. Лазо, Каньон, прииск им. III Пятилетки, которые, естественно, выросли лагерями, барачными поселками; в долине р. Эльген геологи обнаружили месторождение угля, что также придало вес этой территории. Она была административно выделена в Среднеканский район с центром в пос. Сеймчан.

Благоприятный для растениеводства климат Сеймчанской котловины натолкнул на мысль создать здесь сельскохозяйственные предприятия Дальстроя – агробазу вблизи Сеймчана и совхоз «Среднеканский». Выбор был удачным: выращенной в открытом грунте капустой обеспечивались все прилегающие районы; на богатом колымском разнотравье процветало и животноводство.

В годы Великой Отечественной войны Сеймчан оказался хорошим местом для промежуточной посадки самолетов, перегоняемых из Америки на западные фронты. В 2 км от поселка была построена прекрасная взлетно-посадочная полоса с решетчатым металлическим покрытием, обустроены службы обеспечения полетов. С появлением аэропорта роль Среднеканского района в освоении богатств Колымы увеличилась.

Но к началу 50-х гг. рудные и россыпные месторождения олова были отработаны; других объектов, достойных освоения, вблизи горнопромышленной базы, геологи не нашли. Поселок располагался в стороне от основной «Колымской трассы», и ему грозило превращение в сельскохозяйственный придаток центральных районов Колымы.

То время вспоминает очевидец событий, доктор геол.-минер. наук, профессор, сотрудник Института физики Земли, сеймчанец Д.М. Печерский:

«Было Сеймчанское РайГРУ большое, традиционно оловянное, вело уже порядком лет «барачным» методом поиска и разведку объектов вблизи уже известных месторождений, рудников. Соответственно, вело довольно зависимый от ЮЗГПУ образ жизни... Кончилось тем, что в 1952 году РайГРУ ликвидировали, преобразовав в геологоразведочный отдел ЮЗГПУ. Главным геологом ЮЗГПУ был недавно там появившийся Иванов Константин Александрович. Он и был назначен начальником ГРО ЮЗГПУ, и...все закрути-

лось по-другому. Через год к ГРО ЮЗГПУ присоединили Нижне-Колымское РайГРУ (Зырянка), и вновь, как феникс, возродилось Сеймчанское РайГРУ, но уже на огромной территории – почти от моря до моря!»

Появилась необходимость создать творчески настроенный коллектив геологов, способных подняться выше сиюминутных задач – разведки малоперспективных рудных объектов для задыхающейся горнодобывающей промышленности района, на основе картирования новых территорий с использованием научного потенциала и личного вдохновения каждого исследователя оценить перспективы, в первую очередь, плохо изученных территорий Северо-Восточного Приколымья.

Эту задачу взялся решать К.А. Иванов и, как показали последующие события, участниками которых стали и мы, успешно решил.

Самым трудным для Константина Александровича было доказать, что ограничение поисков границами Среднеканского района, как того требовали местные его руководители, близорукая политика.

По обрывочной информации, собранной геологами Всесоюзного Арктического Института (ВАИ), Нижне-Колымского (Зырянка) и Чаун-Чукотского (Певек) РайГРУ, к северу от Среднеканского района, на правобережье р. Колымы, в ее нижнем течении, в районах Восточной Тундры, Чукотского полуострова лежала практически нетронутая геологическая целина, на которой яркими блестками сверкали отдельные находки золота, рудные и россыпные проявления которого были слабо обоснованы геологически и поэтому не вызывали особого интереса у геологической службы Дальстроя. Заслуга К.А. Иванова прежде всего в том и состояла, что он сумел пробить стену инертного равнодушия и добился выделения ассигнований под поиски и разведку золота на этой территории.

Костер на снегу

*И будет назло пурге
Плясать в кругу
Костер на снегу,
Костер на снегу!*

Любимая песня К. А. Иванова

Продолжаю цитировать письмо Д.М. Печерского:

«Мое первое знакомство с Ивановым состоялось в 1953 году.

Этакий генерал в горной форме, уверенный, представительный, с «мужественным обаянием». Энергия перла из Иванова...

Всегда трудно что-либо сделать в сложившемся коллективе с традициями. Иванов пошел по пути... ломки старого коллектива. В те годы люди после отпуска приезжали в Магадан и там получали новое направление. Иванов воспользовался этой системой для «чистки» кадров; разогнал всеми правдами и неправдами «стариков», пассивных сотрудников, оставив молодежную часть. В течение 2–3 лет быстро определился коллектив полевииков – стал активным, самостоятельным, зубастым, тогда как аппарат управления был составлен теперь из «исполнителей» воли Иванова. Константин Александрович стал хозяином положения...

С его приходом Сеймчанское РайГРУ стало качественно иным – прорезалась масштабность, ринулись на просторы мелкомасштабных съемок и поисков в бассейнах рек Анюев, Омолон... Вместо нескольких куцых геофизических отрядиков, которые вели наземные детальные работы на известных рудных участках, в составе РайГРУ была организована геофизическая экспедиция. Иванов поддержал идею – организовать аэрогеофизические работы; вскоре уже вся территория в бассейнах рек Большого и Малого Анюев была покрыта аэромагнитной съемкой. Заслуга Иванова и Рябова (который возглавил геофизическую экспедицию) – создание в ее составе самостоятельной геологической службы – упор делался на комплексные геолого-геофизические исследования...

Иванов всячески ратовал за творчество, научный подход, инициативу полевииков, поощрял всякие научные начинания, вплоть до проведения научных конференций, издания своего научно-производственного бюллетеня... Видимо, не случайно из среды геологов-сеймчанцев тех лет большая группа работает в науке (СВКНИИ – А.И. Афицкий, С.М. Тильман, К.В. Симакон, С.Г. Желнин, Л.И. Измайлов; ИГиГ – В.В. Велинский, Ю.Р. Васильев, А.И. Васильева; ЦНИГРИ – И.Б. Флеров; Киевский университет – Фурдуй, Радзивиллы, Дов-

галь; ДВГИ – Петраченко, Романова; ВНИГРИ – Мораховские, и другие).

Мои научные дела определились именно тогда, при работе в комплексных партиях, на стыке геологии и геофизики.

(Для справки: из числа сеймчанцев тех лет ученую степень доктора наук получили более 10 геологов и геофизиков, список кандидатов наук перевалил за 50. – Н.Н.).

...Чем взял Иванов молодежь? С одной стороны – строгая требовательность к полевым работам, отчету (качество, сроки), с другой – свобода действий, творчество, обмен мнениями... Техсоветы проходили бурно, с азартом, неформально.

...Иванов активно участвовал в обсуждении геологических вопросов со знанием дела – геолог он был эрудированный.

Сказанное об Иванове, плюс требование результата, а не формального отбывания на службе очень импонировало; доверие – великий стимул к добросовестной работе. Иванов нашел путь к сердцу молодежи и к созданию отличного, работоспособного Коллектива (с большой буквы) через организацию Вечеров полевииков, Слетов молодых специалистов. Первые были организованы по инициативе нашей, полевииков, молодежи, но активно поддерживали им; Слеты же – полностью инициатива и организация Иванова.

...Как же мы к ним готовились! Участвовали практически все, а не только молодые специалисты. Все было пропитано духом соревнования – спортивные состязания (для массовости – по упрощенным правилам), самодеятельность, фотомонтажи, стенгазеты, научные конференции, обмен опытом... за все выставлялись очки, даже за «умные» вопросы; потом подводились итоги. Это так неформально получалось, от души. Иванов уловил, что было нужно нам – молодым.

...Помню, когда я был в местком по культмассовой работе, для организации Вечера я шел к Иванову со списком «нужных» людей. Он их вызывал в кабинет, и этого было достаточно, чтобы все они активно занимались подготовкой Вечера, приходили на репетиции. Как-то с жалобой к Иванову заявился Тильман: нет этого – он на репетиции, а что-то там срочно

надо сделать. Иванов на это: «А почему сам в хоре не поешь?»

Естественно, многие полевики потом, не считаясь со временем, вечерами засиживались допоздна над обработкой полевых материалов, подготовкой отчетов. Каждый знал: Вечер Вечером, а отчет надо сдать в сроки с хорошим качеством!

...Что значит **коллектив!** Сеймчанцы – полевики тех лет до сих пор встречаются, как родные. И это дело рук Иванова. Искренне хорошее отношение к нему выражалось, например, в том, что его, как правило, приглашали на свадьбы, другие домашние торжества».

Очевидцем и участником всего вышеприведенного в письме Д. М. Печерского я стал с осени 1955 г.

К характеристике личности К. А. Иванова от себя я могу добавить лишь серию событий и действий, дорисовывающих образ и роль Константина Александровича в создании коллектива сеймчанцев – основной пробивной силы успешного освоения Анюя.

Сеймчанское РайГРУ в то время состояло из двух практически самостоятельных образований. В Сеймчане при руководящем ядре концентрировались сезонные геологические, геофизические и топографические партии и обслуживающие их картооформительские, лабораторные и другие службы; полевики объединялись в соответствующие экспедиции. Это был костяк коллектива, зачинатель его традиций.

Разведочный отдел ГРУ представляли руководители и небольшие камеральные группы, обслуживающие Анюйскую, Омолонскую геологоразведочные экспедиции и Эльгенскую угольную партию. Основные базы геологоразведчиков размещались в соответствующих районах, люди жили там автономно от метрополии, создавали обычаи и традиции сами.

Уже в лето 1955–1956 г. на Анюй выезжали из Сеймчана более 20 сезонных партий; в далекой таежной глухомани полевики полгода и более находились в изоляции друг от друга, от своих семей, от благ цивилизации. Осенью, уже по снегу они возвращались в Сеймчан. Большую часть свободного времени в холодную зиму приходилось проводить дома, иногда, мучаясь от безделья, попивать. Как уже рассказывал Д.М. Печерский, комсомольцам пришла идея дать выход творческой

энергии молодежи. Первый Вечер полевиков был организован осенью 1954 г. Константину Александровичу очень понравилась такая форма досуга, общения молодежи, и он предложил ежегодно устраивать Вечера, посвященные возвращению геологов с «поля». Позже было решено проводить Вечера и весной, перед выездом на полевые работы.

Оказалось, талантов у нас – пруд пруди! Д.Ф. Егоров (будущий лауреат Госпремии) играет на флейте, В.В. Гулевич – на аккордеоне, отец и сын Велинские – баянисты; Д.М. Печерский – прекрасный конферансье, его жена Вероника Леонидовна – мастер писать сатирические сценки, Т. Синюгова бралась поставить танцевальные номера...

В традицию всех последующих Вечеров полевиков в Сеймчане, а потом и на Анюе – в Билибино вошел обязательный сбор «трупы» у руководителя РайГРУ перед началом его подготовки – этим прививалось сознание общественной значимости Вечера и личной ответственности участников и организаторов перед всем коллективом и его руководством.

Первые Вечера полевиков строились по схеме «академических» концертов: подготовленные номера (песни, танцы, декламации, скетчи) объявляли конферансье, между делом отпуская «шуточки» на местные темы. Однако творческое «нутро» геологов требовало собственных сценариев, сатирических куплетов на местные темы и было готово к их написанию и юмористическому освещению событий из жизни коллектива.

Тексты песен писались на известные мотивы – так было легче. Первую такую песню на мелодию «Два сольди» написал Р.С. Фурдуй, исполняли ее на Вечере осенью 1957 г. мы с Г.М. Сосуновым.

*Эта песенка, увы, не о влюбленных,
В ней поется о снабженцах полусонных,
О ботинках, не проживших и недели,
О палатках, представляющих дыру.
Эта песня – о лошадках полудиких
И о прочих безобразиях великих.
Эту песню полевик поет двужильный
Каждый год администрации РайГРУ.
И каждый год мы день за днем,
Одно и то же все поем,
На совещаньях, заседаниях воду льем
И воду льем...
А приходит время снова ехать в поле,
Снова мы без снаряженья поневоле,
Снова мечется народ, как угорелый:*

*«Где же спальники, кастрюли,
где лотки?»*

*Снова в партиях «декретные» лошадки
И художественно рваные палатки,
Снова в ящиках опилки вместо масла
И разбитые в лепешку молотки!*

*От комаров спастись бы рад,
Но где же диметилфталат?*

*В палатку спрячешься – беда,
Кругом вода...*

*А в Сеймчан из экспедиции вернешься,
В заседания, совещанья окунешься –
За оратором сменяется оратор,
Словно в сказочке про белого бычка,
Обещают спецодежду, клиперботы,
Тонкий делают нарек на вертолеты,
Обещают все исправить, все улучшить:
«Все проверю, все достану лично, сам!»
Обещают, обещают,
И не ждите вы другого!*

К критике его действий К.А. Иванов относился спокойно. Прослушав на генеральной репетиции песню «Два сольди», искренне хохотал вместе со всеми, против ее исполнения не возражал.

Вечера полевиков привились в коллективе с первых же лет, стали традиционными, ежегодными. Их ждали, к ним готовились: женщины шили новые платья, мужчины подбирали «факты», обсуждали темы будущих интермедий. Подготовка к Вечерам начиналась сразу же по возвращению полевиков – в сентябре – октябре, к весенним Вечерам начинали готовиться в марте. Зима из полосы активной занятости выпадала.

Тогда и предложил Константин Александрович устраивать в середине зимы Слеты молодых специалистов, в программу которых входили бы спортивные состязания, научно-практическая геологическая конференция с докладами с мест, уже опробованная на Вечерах полевиков художественная самодеятельность и ужин в столовой.

При обсуждении идеи было решено ввести в практику состязательность – молодые специалисты группировались по землячествам (месту окончания учебного заведения); каждое землячество готовило свои программы по трем указанным направлениям, жюри выявляло победителей, которых ничего, кроме сознания собственной победы, не ждало.

На Слеты привлекались и молодые специалисты из геологоразведочных экспедиций нашего РайГРУ, что было очень важно – они ведь круглогодично находились в тайге и,

как никто, нуждались в общении. Иванов связался также со своими коллегами из других РайГРУ и организовал приезд к нам в командировку их молодых сотрудников с условием, что они тоже будут готовы принять участие в соревнованиях в составе своих землячеств.

Первый Слет был проведен в феврале 1957 г. Землячества «Кавказ», «Украина», «Москва – Ленинград», «Магадан – Дальний Восток» боролись за место победителя с упоением, творческим огоньком, выдумкой. Мы (землячество «Кавказ»), чтобы удивить зрителей, плясали на сцене клуба лезгинку со стрельбой холостыми патронами, за что нам досталось от пожарников, но и победа досталась тоже.

На первый Слет приехали гости из 5–6 РайГРУ, все завидовали нашему начинанию, обещали организовать подобное у себя.

Мы провели еще три Слета (в 1958, 1959, 1960 гг.) После отъезда Иванова его преемники на Анюе похоронили эту традицию.

Однако форма проведения Слетов – деление на команды, состязательность по спорту, выставкам поделок, стенных газет, художественной самодеятельности, построенной на местном материале в виде капустника – все это прочно вошло в практику последующих Вечеров полевиков в Сеймчане и на Анюе, в Билибино.

Очередной идеей К. И. Иванова, направленной на повышение творческого потенциала коллектива сеймчанских геологов, стал Университет геологической культуры, в котором читались лекции и проводились диспуты по общим геологическим проблемам, особенностям геологического строения Колымской металлогенической провинции, других структур земного шара.

В задачу Университету он поставил поднять общеобразовательный уровень геологов, расширить их кругозор, пробудить интерес к творчеству, выработать умение критически оценивать геологические концепции, излагать свои взгляды перед публикой. Это была хорошая школа совершенствования специалистов. Однако просуществовал он недолго. С отъездом К.А. Иванова при новых руководителях Университет закрыли.

Расскажу о рождении сатирической газеты «Кувалда», которая ста-

ла традиционной в Сеймчане и затем в Билибино.

В кабинете, где разместились прибывшие в 1956 г. молодые специалисты – киевляне Р. Фурдуй, А. Радзивилл, А. Афицкий, лист бумаги, покрывающий стол, был разрисован дружескими шаржами. Заинтересовались, кто рисовал?

– Да все понемногу. Даем и входящим «потворить».

Решили: собрать рисовальщиков вместе, выпустить к Вечеру полевику сатирический листок с карикатурами на местные темы. Редколлегия этого листка возглавил Ю.Д. Бесчастнов – острый на слово молодой «туляга», он и дал название газете – «Кувалда». Первый ее номер рисовали А. Афицкий, З. Захарова (Копытова), стихотворные подписи делал Р. Фурдуй.

В первом, да и в последующих номерах традиционной фигурой, объектом для дружеских шаржей стал С.М. Тильман – экспансивный, жизнерадостный человек, из-за своего неугомонного характера постоянно попадавший в смешные ситуации.

С первыми сеймчанскими номерами «Кувалды» связано несколько казусов. В 1956–1957 гг. работал в РайГРУ геолог Дискин, имевший склонность к рисованию. На предложение поработать в газете он наотрез отказался. По этому поводу в «Кувалде» была помещена карикатура: застегнутого в спальном мешке, его за усы тянут в редакцию. В отместку Дискин вывесил свой персональный листок с карикатурами на всех «кувалдистов».

«Кувалда» поместила карикатуру на Ю.Б. Ганжу, любителя выпить за чужой счет. Тот, обидевшись, снял и уничтожил этот номер газеты. Было это в 1958 г., тогда только что вышел Указ о мелком хулиганстве. Редакция подала на Ю. Ганжу в суд, и он 5 суток лопатой с красной ручкой чистил снег под окнами РайГРУ.

Организационные способности К. А. Иванова были уникальные, решения – быстрые и, как всегда, действенные. Вот конкретные тому примеры.

В Сеймчане был один общепоселковый детский садик. Устроить туда детей геологов – целая проблема. Иванов предложил коллективу построить собственный, за счет премий, крупные суммы которых РайГРУ получало ежеквартально

за производственные успехи. Было решено самим, хозспособом разобрать пустующее здание санаторно-лесной школы на берегу Колымы вблизи поселка и перевезти его в Сеймчан. За полугодие работы были закончены; рядом с районным Домом культуры вырос двухэтажный красавец. Воспитателей, обслуживающий персонал набрали среди жен геологов, снабжение садика велось через склады РайГРУ и контролировалось его комитетом профсоюза. Все дети были пристроены, исчезла очередь, чего нельзя было сказать о поселковом садике. Естественно, такая ситуация вызвала раздражение у руководства района, они обязали РайГРУ передать детсад на баланс поссовета. Константин Александрович срочно собирает профсоюзное собрание управления, протокол которого с протестом против действий районного руководства направляет в ВЦСПС. Детсад остается у нас.

Зимой 1959 г. по рекомендации Н.С. Хрущева была начата кампания по использованию служебных помещений под жилищный фонд. К тому времени у нас освободился барак из 4 комнат, который занимала расформированная накануне Эльгенская угольная партия. Барак передали молодежи РайГРУ для организации там вечернего клуба по интересам.

В одной из комнат мы оформили холл – установили там пианино, соответствующую мебель, в других – шахматные столики, стол для пинг-понга, помост для штанги. Вечерами в клубе собиралась наша молодежь, занятие находилось для всех. Иногда туда заглядывал и Константин Александрович – потягаться силой с «пацанами». Вот это помещение и потребовали у нас отдать под жилье.

Иванов вызвал меня к себе в кабинет (я был тогда секретарем комитета ВЛКСМ РайГРУ): «Я заказал телефонный разговор с редакцией “Магаданской правды”, сейчас дадут. Ты расскажи о работе вашего клуба – пусть поместят в газете заметку за твоей подписью и не забудут упомянуть, что это помещение пытаются у нас отобрать».

Звонок. Я представился, рассказал о работе клуба, но принять по телефону материал к публикации там отказались.

Иванов снова заказывает Магадан, обком ВЛКСМ: «Тут у меня си-

дит секретарь нашей “комсы” и чуть не плачет – они организовали в бараке свой клуб, пригласили на встречу комсомольцев аэропорта, наметили целую кучу других мероприятий, а РК КПСС и райисполком отбирают у них помещение, где в лучшем случае можно разместить две семьи, лишив досуга 20–30 человек. А они у меня знаете, какие?! Могут и запить от безделья».

На том конце провода пообещали через обком партии отменить это решение. Так оно и получилось. Наш клуб действовал еще несколько лет, а К.А. Иванов в очередной раз был обвинен районными властями в неуважении к ним, местничестве.

К портрету Константина Александровича хотелось бы добавить и такие штрихи. Любимым его напитком был чай, крепко заваренный и настоящий в укрытом чайнике, который он возил с собой даже в командировки в Магадан. В приготовлении настоя он любил «священнодействовать» сам. В компаниях, на Вечерах полевику спиртного он в рот не брал, несмотря ни на какие уговоры – для него персонально готовили и подавали на стол чай.

Имея в общем-то крутой характер, Константин Александрович никогда не возносился над подчиненными. Он мог прийти к нам в клуб померяться силой с молодежью, ходил с компаниями на лыжах, посещал репетиции художественной самодеятельности, имел привычку поздно вечером, прогуливаясь перед сном по поселку, заходить в камеральное здание РайГРУ, в кабинеты, где светились окна, запросто беседовал с засидевшимися допоздна геологами.

Очень льстило нам, полевикам, его неукоснительное правило – встречать партии, возвращающиеся с поля, у трапа самолета в Сеймчанском аэропорту.

Надо было видеть глаза Константина Александровича, когда он через 15 лет, в 1976 г. приехал в Билибино на празднование 20-летия поселка. Выходя из самолета в аэропорту Кэпэрвеем, он задержался на трапе, вдыхая морозный воздух когда-то родного края, обводил взором окрестные сопки, нас, встречающих, оставшихся в его памяти молодыми.

Ему и С.М. Абаяеву, прибывшему ранее, мы посвятили три дня сплошных мероприятий, традиции которых были заложены ими.

Сидя в президиуме на торжествах, посвященных юбилею, Константин Александрович с растерянной улыбкой встречал каждого подходящего за наградой ветерана, узнавая и не узнавая в лицо; если вспоминал фамилию, расцветал, тянулся с рукопожатием.

Вечером второго дня в честь гостей в кафе «Золотинка» мы организовали «Голубой огонек», где спели все наши сеймчанские песни, исполнили и его любимую – «Костер на снегу», которая вызвала у него слезу. Ночь трудились наши ребята и наутро к отъезду вручили гостям памятные подарки, фотоальбомы.

К.А. Иванову и С.М. Абаеву было присвоено звание: «Почетный гражданин поселка Билибино».

Выступая на юбилейных торжествах, К. А. Иванов сказал фразу, которая определяла его отношение к людям и наше к нему: *«Требуя от подчиненного грамотного и добросовестного выполнения заданий, никогда не забывай отмечать его успехи, стремись это делать публично. Человек, сознающий общественную значимость выполняемых им дел, видящий признание его труда, вдохновляется на еще более творческие дела!»*

Это вдохновение и руководило нами в те годы, мы были готовы на любые жертвы ради вот этой встречи у трапа самолета, ради доброго слова уважаемого нами Руководителя!

Вскоре Константина Александровича не стало – подвело сердце.

*Нет уже тех, кто тогда начинали,
Радости были, и были печали,
Но экспедиция наша всегда
Будет душой молода!*

В. Березин

И ти – прав, и ти – прав!!

*Однажды творческий чудак
Предположил, что, как ни странно,
Но где-то северней Сеймчана,
В долине рек, ручьев, речушек
Таится масса россыпушек
И – богатейшая руда!
Благодаря чему туда
Желательно направить поиск
На блоки, складчатость и пояс.*

Самодельность анюйцев

Салат Михайлович Абаев был достойным соратником К.А. Иванова. В 1943 г. после окончания Харь-

ковского горного института он приехал на Колыму и прошел по ней маршрутами в самое трудное военное и послевоенное время. С годами он вырос в крупного руководителя, возглавил Нижне-Колымское РайГРУ в Зырянке. В территорию ее деятельности и входили Анюйские просторы – Северо-Восточное Приколымье. Первые же геолого-рекогносцировочные партии РайГРУ Н.Н. Тевяшова, М.В. Гусарова, А.П. Королева, В.А. Касаткина привезли сведения о золотоносности долин в тех местах.

По результатам работ этих геологических партий, с учетом известных уже тогда находок чаунских геологов в бассейне Малого Анюя С.М. Абаев в 1952 г. представил в ГРУ ДС проект организации геолого-разведочной экспедиции на Анюе.

Однако ни в 1952, ни в 1953 г. он не был утвержден – в Магадане господствовала теория об исключительной оловоносности этой территории.

Волей случая или, скорее, благодаря ивановской настойчивости территория и кадры Нижне-Колымского РайГРУ были переданы в Сеймчан; Салат Михайлович возглавил геологическую службу объединенного управления. Началась совместная плодотворная деятельность двух будущих лауреатов Государственной премии за открытие Анюйского золота.

Техсоветы Салат Михайлович проводил искусно, с врожденной кавказской гибкостью. На них разгорались порой нешуточные страсти, шел бескомпромиссный поиск истины.

Накаляющуюся обстановку разряжал Салат Михайлович: «Слушье, зачем переходите на крик!? И ти – прав, и ти – прав. Только надо еще подумать и правильно понять собранные факты... Давайте лучше обсудим, где на этой территории ставить детальную съемку и поиски золота... Вот посмотрите на эту карту сводных данных – полоса шлиховых ореолов металла тянется вроде бы и в эту сторону...»

Эти сводные карты проявлений золота, олова, вольфрама, ртути и других металлов, составленные на всю территорию деятельности РайГРУ, были гордостью Абаева. Их оперативным пополнением по материалам полевых работ занималась специальная группа. Опытные геологини, бывшие полевички

Э.Г. Соколова, Г.П. Иванова, Л.И. Крылова, Е. Тутолмина, С.М. Ворожищева не только фиксировали на карте находки полевиков, заполняли кадастры проявлений, но и обобщали сведения по отдельным площадям, узлам. Карты эти были наглядными, очень помогали при подготовке к предстоящим полевым работам, вооружали геологов пусть скудными, но оптимальными на тот период сведениями о площадном распространении и особенностях рудообразования в районе.

Вот, по-моему, точная и всеобъемлющая характеристика, которую дает Салату Михайловичу уже не раз мною цитируемый Д.М. Печерский: *«Пришел Абаев к нам в Сеймчан, когда «ивановский» фундамент коллектива уже закладывался. Салат Михайлович отлично вписался в него. Как геолог, как организатор, мне кажется, Иванов сильнее. Иванов был на виду во всех своих действиях, Абаев – как бы в тени. В Магадане говорили, что пока Иванов заседал, представительствовал, Абаев тихо, через своих друзей и другими путями пробиравал, что нужно. Видимо, все же Абаев был «толчком», инициатива шла от Иванова.»*

...Сравнивать Иванова и Абаева мне трудно по-человечески. Вот несколько штрихов: с Абаевым мы все время переписывались, он бывал у меня дома, я – у него; с Ивановым – никогда. Иванов рекомендовал меня в партию, не без его участия мне отвалили отличную квартиру (трое детей у геологов тогда было редкостью. – Н.Н.)... и тот же Иванов «давил» меня при случае. Абаев, несомненно, любил коллектив сеймчанцев, патриот его, знал дальнейшую судьбу многих из тех пятидесятых, следил и с гордостью сообщал об их успехах. За Ивановым я этой черты не знал».

На празднование 20-летия Билибино Салат Михайлович приехал с чемоданом... редьки! Раздавая ее геологам, приговаривал: «Знаю, ребята вы здоровые – такое тянете, но витамины на Севере не помешают!»

В памятном адресе С.М. Абаеву мы записали:

*Пусть голова Ваша седа,
Своим считают Вас кавказцы,
Но те, анюйские года –
Вот Ваше главное богатство!*